

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 1 (124). С. 151–160.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 1 (124), pp. 151–160.

Научная статья

УДК 821.112.2

<https://elibrary.ru/yymmney>

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-1-124-12>

**Переосмысление романтического образа идеального мира
в позднем творчестве Э. Т. А. Гофмана
(на примере новеллы "Datura Fastuosa")**

Вера Владимировна Королева^{1✉}, Алина Романовна Притомская²

^{1,2} Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых,
Владимир, Россия

^{1✉} queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>
² gera.greenhill@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0948-770X>

Аннотация. В статье исследуется трансформация романтического образа идеального мира в новелле Э. Т. А. Гофмана «Datura Fastuosa». Утверждается, что в позднем творчестве немецкого писателя возникает реалистический образ идеального мира, ставший результатом переоценки писателем идеи о романтическом идеале, который теперь лишается сказочного элемента, а также имманентной связи с творческим началом человека. Для создания образа идеального мира Гофман прибегает к приему романтического контраста, включающего в себя оппозиции: «экзотический юг – Германия», «страсть – семейная идиллия», «старость – молодость», «филистерские материальные блага – духовные ценности», «рациональное постижение природы – чувственное постижение природы». Делается вывод о том, что идеальный мир в позднем творчестве немецкого романтика лишен эстетики экзотического, а его достижение лежит не через искусство, а через романтическую любовь и интеграцию чувственного и рационального подхода к постижению природы как Логоса.

Ключевые слова: Э. Т. А. Гофман, идеальный мир, натурфилософия, прием контраста, дуализм

Для цитирования: Королева В. В., Притомская А. Р. Переосмысление романтического образа идеального мира в позднем творчестве Э. Т. А. Гофмана (на примере новеллы "Datura Fastuosa") // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 1 (124). С. 151–160. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-1-124-12>; EDN: YMMNEY

Rethinking the romantic image of the ideal world in the late work of E.T.A. Hoffmann
(based on the short story "Datura Fastuosa")

Vera V. Koroleva^{1✉}, Alina R. Pritomskaya²

^{1,2} Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia

^{1✉} queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

² gera.greenhill@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0948-770X>

Abstract. The article examines the transformation of the romantic image of the ideal world in E. T. A. Hoffmann's short story "Datura Fastuosa". It is argued that in the late work of the German writer there is a realistic image of the ideal world as the result of the writer's reassessment of the idea of the romantic ideal, which is now deprived of a fabulous element, as well as the immanent connection with the creative principle of the human being. To create an image of the ideal world Hoffmann uses the technique of romantic contrast, including the opposition: 'exotic south – Germany', 'passion – family idyll', 'old age – youth', 'philistine material goods – spiritual values', 'rational comprehension of nature – sensual comprehension of nature'. It is concluded that the ideal world in the late work of the German Romantic is devoid of the aesthetics of the exotic, and its achievement lies not through art, but through romantic love and the integration of sensual and rational approach to the comprehension of nature as Logos.

Keywords: E. T. A. Hoffmann, ideal world, natural philosophy, contrast technique, dualism

For citation: Koroleva V. V., Pritomskaya A. R. Rethinking the romantic image of the ideal world in the late work of E.T.A. Hoffmann (based on the short story "Datura Fastuosa"). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 1 (124), pp. 151–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-1-124-12>; EDN: YMMNEY

Введение

Немецкая романтическая философия является важной вехой в развитии натурфилософии. Одним из ключевых ее положений становится идея о том, что во всем сущем заложена изначальная имманентная двойственность («закон полярности есть всеобщий закон мироздания», а «дуализм — необходимый принцип объяснения природы»¹). Природа понимается романтиками диалектически, как динамическое единство противоположностей.

Этот принцип распространяется и на человека как часть природного мира. В этой связи М. И. Бент отмечает: «Развитие немецкого романтизма в первом десятилетии XIX века ознаменовалось кризисом индивидуалистического сознания, кризисом "выделившейся личности"»². Тема раздвоения личности как аспекта субъектности становится одной из главных, и романтизм вступает в полемику с линией философии Нового времени, начинающей свой отсчет от Декарта. Эту двойственность романтики также рассматривали как естественную. Ф. Шеллинг

¹ Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1987. 637 с.

² Бент М. И. Последняя глава Всемирной истории": натурмистицизм Г. Г. Шуберта и становление позднеромантического сознания // Вестник ЧелГУ. 1999. № 2. С. 166–175.

пишет об этом: «не целое возникает из частей, а части возникают из целого», «противоположные начала в природе находятся в состоянии динамического равновесия, а химические процессы и тем более жизнь – в непрерывном нарушении и восстановлении равновесия».¹ В то же время одна из сторон бинарной оппозиции неизбежно рассматривается как нежелательная. Так называемая «темная» часть изначально диалектически устроенного субъекта, вытесненная за рамки сознания (бессознательное), возвращается к нему (субъекту) в виде двойника, что приводит к катастрофе и обострению конфликта противоположностей.²

Философия романтизма предлагает пути если не диалектического примирения оппозиций (как в системе Гегеля), то, по крайней мере, проработки «маргинального» члена оппозиции. Инструментами преодоления раздвоения становится искусство и обращение к патриархальному укладу жизни как идеальному, не утратившему связи с пониманием природы как самоорганизующегося по собственным внутренним правилам гармоничного единства. По словам Ф. Шеллинга, натурфилософия <...> отличается от нее [трансцендентальной философии] тем, что полагает природу (не как продукт, но как продуктивность и продукт одновременно) в качестве самостоятельной)³.

Данные принципы выливаются в концептуальное ядро романтической философии – миф об идеальном мире, высшей абсолютной реальности, которая объединяет в себе неоплатонические воззрения романтиков на окружающую действительность, в которой человек объединяется в целое, приобщаясь к «мировой душе». Преодоление кризиса субъектности закономерно ведет к возникновению альтернативного типа личности, перешедшей на качественно новый уровень бытия. Таким образом, мифотворчество, возвращение к дорациональным формам мышления, где логически противопоставленные бинарности встречаются и сосуществуют вместе, становится способом обретения гармонии. Об этом справедливо пишет исследователь М. П. Бент: «Шеллинг повсеместно отмечает раздвоение, но для него это не разрыв, а динамическое амбивалентное единство противоположностей, возможное именно в силу изначальной цельности живого организма, символизируемого понятием "мировой души"»⁴.

Однако конкретные воплощения концепции идеального мира отличаются у каждого автора. Неизменными остаются лишь представления о нем как о высшем плане бытия человеческого духа, подчиненного универсальным законам природы – бесконечному сверхчувственному началу.

Основная часть

Э. Т. А. Гофман, чье творчество можно назвать вершиной немецкой романтической литературы, разделял натурфилософские воззрения Ф. Шеллинга и

¹ Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1987. С. 126.

² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. Москва: Весь Мир, 2008. 416 с.

³ Шеллинг Ф. В. Й. Указ. соч. С. 183.

⁴ Бент М. И. Последняя глава «Всемирной истории»: натурмистицизм Г. Г. Шуберта и становление позднеромантического сознания // Вестник ЧелГУ. 1999. №2. С. 166–175.

Г. Шуберта. Однако аспект взаимодействия природы и человека (как ее части) приобрел у Гофмана особое авторское звучание. По словам Л. В. Славгородской, «оторванность человека от природы определяется не образом жизни, а двойственностью самого человеческого существа. А потому романтический человек Гофмана не может вернуться к природе, изменив лишь форму своего существования»¹.

Образ идеального мира у Гофмана имеет несколько вариантов воплощений: мир сказочный, мифологический (переплетение реального и фантастического, романтической иронии и гротеска («Повелитель блох», «Щелкунчик и Мышиный король»)), мир гармоничного христианского искусства («Житейские воззрения кота Мурра», «Состязание певцов»), мир романтической любви («Золотой горшок») и мир торжества духовного над материальным («Повелитель блох», «Крошка Цахес»). Как правило, мир идеальный в творчестве немецкого писателя неразрывно связан с идеей гармонии человека с природой.

Важную роль в создании образа идеального мира для Гофмана играет прием контраста, который ложится в основу принципа двоемирия. Это способствует появлению оппозиции «сказочное» – «реальное», где первому отводится роль идеального и возвышенного («Щелкунчик и Мышиный король», «Золотой горшок»), а бытовое и обыденное представляется уделом духовно ограниченных филистеров. Такое противопоставление характерно для раннего творчества писателя. Поздние произведения романтика указывают на трансформацию его представлений об идеальном мире и тяготеют к натурфилософскому тезису о том, что именно идеальное происходит от реального. Эта мысль обнаруживают себя в новеллах "Datura Fastuosa" (1821) и «Повелитель блох» (1822), герои которых обретают счастье не с «идеальной», а с земной возлюбленной.

Согласно нашей гипотезе, в позднем творчестве Э. Т. А. Гофмана возникает реалистический образ идеального мира, ставший результатом переоценки писателем идеи о романтическом идеале, который теперь лишается сказочного элемента, а также имманентной связи с творческим началом человека, что ярче всего проявляется в новелле "Datura Fastuosa". В этом произведении речь идет о студенте-ботанике Евгении, который должен примирить в себе две личности с разнонаправленными стремлениями: филистера с тягой к мирским удовольствиям и молодого ученого, полного нерастраченной страсти к жизни. Со временем эта двойственность начинает утрачиваться, и личность студента замещается личностью его умершего наставника («Юношеский огонь в его глазах постепенно угас, он говорил теперь слабым и сиплым астматическим голосом, и когда люди видели его в праздничном наряде покойного профессора, им казалось, что это сам покойник встал из гроба, желая изгнать юношу из своих одежд и вновь занять его место»²). Подобная подмена молодого старым воспринимается Гофманом как

¹ Бент М. И. Последняя глава «Всемирной истории»: натурмистицизм Г. Г. Шуберта и становление позднеромантического сознания // Вестник ЧелГУ. 1999. №2. С. 166–175.

² Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 1991–2000. С. 142.

протivoестественная и трагичная. Особую роль в этом процессе играет и профессия Евгения – ботаник. Юноша одержим растениями, ради изучения которых игнорирует общество близких ему людей (Гретхен, Север). Такое отвержение чувственного постижения природы и слепая сосредоточенность на рациональном изучении ведет, по мнению Гофмана, к утрате священного смысла, заключенного в природе. Поэтому постоянным объектом его насмешек становится ученый, который воспринимает природу как объект для исследования.

Главный герой новеллы Гофмана Евгений не лишен духового потенциала, так как в его душе «всегда пылает священный огонь познания высших истин»¹. Евгению, как и другим романтическим героям, «чужды суэта и хитросплетения пестрой светской жизни; дело, которому они отдали всю свою любовь и верность, является посредником между ними и вечными силами бытия, а их несуетная, бесхитростная жизнь есть непрерывное служение в вечном храме мирового духа»². Постигание сущности ипостасей собственной личности и дальнейшая их интеграция невозможна для протагониста в реальном мире, что соответствует общеромантическим представлениям. Евгений должен достичь мира идеального, где возможна гармония между оппозициями.

Для создания образов реального и идеального мира Гофман прибегает к приему романтического контраста, отражающего изначальную двойственность всего сущего и включающего в себя следующие оппозиции: «экзотический юг – Германия», «страсть – семейная идиллия», «театральность – естественность», «старость – молодость», «филистерские материальные блага – духовные ценности», «рациональное постижение природы – чувственное постижение природы».

Переосмысливая черты идеального мира, Гофман отказывается в первую очередь от эстетизации экзотического юга (Испания, Италия), представленного в новелле символом-образом ложного райского сада, а также образами Габриэлы и Фермино. По утверждению М. И. Бента, «для романтиков настало время "синтеза", соединения выделившихся частей целого, самоотрицания романтического индивидуализма»³ через приобщение к естественному патриархальному укладу. Южные страны, откуда прибывают Габриэла и Фермино (Италия, Испания), утрачивают позитивную коннотацию. Общеромантическая тяга к экзотическому как характеристике, присущей идеальному миру, теряет свое значение для Гофмана, который теперь обращается к эстетике Германии.

Так, Габриэла с сообщником представляют в новелле мнимые ценности: пустую красоту, наигранность чувств. Негативные качества, скрывающиеся за привлекательной внешней оболочкой, относятся к реальному плану бытия, поскольку ведут протагониста не к духовной гармонии, а к расколу личности.

¹ Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 1991–2000. С. 127.

² Там же. С. 127.

³ Бент М. И. Последняя глава «Всемирной истории»: натуралистизм Г. Г. Шуберта и становление позднеромантического сознания // Вестник ЧелГУ. 1999. № 2. С. 166–175.

Символом соблазна в новелле выступает «райский сад» графа: «казалось, рукою волшебника собраны были здесь и насажены растения и кустарники отдаленнейших, самых противоположных стран: они блистали разнообразным смешением красок и, являясь во всем великолепии, цвели как на своей родной земле»¹, который представляет собой ложный Эдем. Отрицательная семантика экзотического сада связана с его противоестественной природой, он так пышно цветет благодаря Фермино, создающего разнообразные субстанции, которые способствуют красоте, улучшают внешний вид растений, цветов, кактусов. Нетипичные для Германии растения здесь процветают, в то время, как те же тропические цветы в теплице профессора Хельмса растут хуже, несмотря на его очевидный профессионализм. Таким образом, экзотическая красота воспринимается как тождественная искусственной, поскольку не может существовать сама по себе («все ... слишком искусственно»²). В оппозиции к южным растениям выступает подснежник, любимый цветок Гретхен, не требующий дополнительных мер по уходу, но от этого не менее прекрасный. Это растение олицетворяет собой идею о том, что идеальный мир может скрываться внутри реального, в душе, стремящейся к гармонии и естественности, а не в дальних южных странах или в придуманном идеальном мире.

Символом ложного рая становится дурман, чье латинское название вынесено в заглавие новеллы. Дурман с древних времен известен психоделическим воздействием как афродизиак и делириант³. Дурман пробуждает в студенте, когда он впервые сталкивается с ним в саду испанца, естественную, сокрытую в нем страсть молодости, которой юноша не дает выхода из-за приверженности филистерскому образу жизни (Север: «в твоей груди укрывается вулкан»⁴). Евгений, который раньше «и не думал о свадьбе и любви», теперь переживает нездоровую страсть, почти одержимость графиней. Однако это чувство носит очевидный делириозный характер: герой пребывает в полубессознательном состоянии, погруженный в фантазии о прекрасной невесте, которая, однако, имеет черты Гретхен: «Такое состояние точно есть забытие, состояние среднее между бодрствованием и сном, а не настоящий сон. В это время Евгению опять явился – полный блеском высшей красоты и в прежнем убранстве – образ той невесты, которую он уже видел один раз во сне – и опять, с большею силою, началась та ужасная борьба души, которую он прежде испытывал»⁵.

Сны Евгения важны для понимания его истинных духовных устремлений, поскольку являются воплощением его бессознательного, связанного с «мировой душой». Юноша грезит о прекрасной невесте Гретхен, внучке профессора Хельмса,

¹ Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений в 6 т. Москва: Художественная литература, 1991–2000.

² Там же.

³ Fatur K “Hexing Herbs” in *Ethnobotanical Perspective: A Historical Review of the Uses of Anticholinergic Solanaceae Plants in Europe* // *Economic Botany*. 2020. Vol. 74 (2). P. 140–158.

⁴ Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений в 6 т. Москва: Художественная литература, 1991–2000.

⁵ Там же.

ставшей для студента первым опытом столкновения с женственностью. Раз за разом во сне протагонист переживает впечатление от встречи с девушкой, все лучше познавая свои собственные эмоции – влечение и восхищение красотой. В одном из снов Профессорша «холодными руками» закрывает Евгению глаза, чтобы тот не мог смотреть на прекрасную невесту. Этот сон становится поворотным для юноши, когда он понимает, чего на самом деле хочет от жизни – романтической любви с равной себе по духу, молодой женщиной – и не готов пожертвовать преимуществами юности ради филистерского комфорта, который предлагает ему брак с вдовой Хельмс. В состоянии измененного сознания протагонист даже решается на убийство вдовы.

Важной для позднего творчества Гофмана характеристикой идеального мира становится осмысление подлинной сущности любви, которая проявляется в оппозиции «страсть – семейная идиллия». Немецкий романтик рассматривает напускную страсть и фальшивую драматичность Габриэлы как уводящую от духовной гармонии. Бурление страстей, сопровождающее «графиню», не позволяют Евгению сосредоточиться на науке, ставшей целью его жизни, и семье (разочаровывает Профессоршу и Гретхен). Лишь искреннее поведение Гретхен и ее простота возвращают протагонисту цель в жизни (науку и семью), и юноша освобождается от дурмана разрушительных страстей.

К характеристикам идеального мира в новелле относится и молодость. Гофман убежден, что почтенной старости (Профессор и Профессорша) простителен филистерский образ жизни, тогда как молодые люди должны стремиться к познанию, поиску гармонии и идеала, в этом их предназначение. Так, Евгений, «впитавший» личность своего умершего наставника, представлен в новелле как фигура трагическая. Нерастраченная страсть молодости в душе протагониста становится чрезмерной, из-за чего его первая искренняя влюбленность в Габриэлу имеет столь разрушительные последствия. В зрелом творчестве Гофман приходит к выводу, что полная энергии и жажды познания молодость является идеальным состоянием человеческого духа.

Традиционным для творчества Гофмана остается представление об идеальном мироукладе, как мире духовных ценностей, превалирующих над филистерскими благами («Крошка Цахес», «Повелитель блох», «Золотой горшок»). Последние актуализируются в новелле в шлафроке и ночном колпаке как символы материального благополучия, которое, однако, оказывается губительно для молодого ума Евгения, подменяя его личность личностью умершего Профессора и лишая юношу воли к жизни. В свое время Н. Я. Берковский указывал на этот мотив власти вещей у Гофмана, с помощью которого романтик выразил «лимиты человека», «предопределенности человеческого поведения тем, что скажут и подскажут вещи»¹. Таким образом, одежда Хельмса нарушает баланс в оппозиции «молодой ученый – филистер» в личности Евгения в пользу последнего, что, по

¹ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Ленинград: Художественная литература, 1973. С. 486.

мнению Гофмана, превращает молодого человека в старика, ограничивая его возможности достичь гармонии духа и приобщиться к идеальному.

Другое необходимое условие достижения гармонии в идеальном мире – единение с возлюбленной. По мнению Г. Шуберта, разного рода эксперименты, такие как электричество, ясновидение, соединение полов, активизация фосфора в телах и сомнамбулизм способствуют приобщению к «мировому духу»¹. Стремление преодолеть влияние материального в Евгении пробуждает страсть к Габриэле. Однако пустое влечение, не основанное на единении душ, не позволяет познать Абсолют, поскольку «одурманивает» сознание и длится лишь ограниченное время («мистерия любви и смерти: в единую ночь почти мгновенное воспарение к мигу величайшего блаженства и столь же быстрое увядание»²).

В новелле "*Datura Fastuosa*" Гофман отказывается от выбора в пользу экзотической возлюбленной, которая утрачивает черты идеала и становится символом ложной красоты (Габриэла). Главный герой обретает счастье лишь с обычной девушкой Гретхен. Так, немецкий романтик приходит к выводу, что семейная идиллия важнее страсти, которая вызывает только раскол сознания. Гофман дает понять, что только искренняя, проверенная временем любовь способна привести человека к внутренней гармонии, поэтому приобщение к идеальному миру для Евгения происходит лишь в паре с Гретхен, которую юноша искренне и давно любит. Эта романтическая любовь становится условием интеграции личности протагониста. Даже Фермино намекает протагонисту на то, что в саду Евгения есть то, «что превосходит все цветы и растения на земном шаре», подразумевая Гретхен.

Важной характеристикой познания, ведущего в идеальный мир, для Гофмана становится преобладание чувственного над рациональным. Изучение латинских названий растений, нанесение их на шлафрок и переписывание в ботанический атлас уводят Евгения от мира природы, поскольку представляют собой лишь одну сторону в оппозиции «рациональное – сенсуальное», тогда как путь к гармонии пролегает через единение противоположностей. Чтобы преобразиться, постигнув суть природы как Логоса, протагонист должен соединить два уровня познания, как это неосознанно делает Гретхен. Девушка не только изучает ботанику, но и испытывает искреннюю любовь к растениям (подснежник). Для нее, в отличие от Евгения, не существует противопоставления латинского имени цветка и его народного названия. Маргарита познает суть природы, снимая противоречие между научным и житейским подходом к ней. Это метафорически актуализируется в конфликте между именами ее подруги Розалинды. Гретхен говорит: «потребовала, чтобы я называла ее не Розхен, а барышней Розалиндой. Я стала так называть ее, но с той поры она сделалась мне будто чужой, и я потеряла свою милую подружку. То же самое, мне кажется, произойдет и с моими любимыми цветочками, если я стану называть их

¹ Schubert, Gotthilf Heinrich: Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft. Dresden, 1808. In: Deutsches Textarchiv <https://www.deutschestextarchiv.de/schubert_naturwissenschaft_1808>, abgerufen am 16.06.2024.

² Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 1991–2000.

такими чужими, величественными именами».¹ По мнению Гофмана, однобокий схоластический подход к природе, которая должна быть познаваема не только рационально, но и чувственно, отдаляет человека от ее сути как «мировой души».

Выводы

Таким образом, Э. Т. А. Гофман в поздней новелле "Datura Fastuosa" переосмысливает образ идеального мира. Отказываясь от сказочного аспекта и романтизации экзотического мира, писатель утверждает, что идеальный мир располагается внутри реального, и тем самым продолжает натурфилософский тезис о том, что «идеальное происходит из реального». Путь к достижению идеального мира в позднем творчестве немецкого романтика лежит через романтическую любовь как естественное единение дуальных противоположностей, а также через отказ от схоластического познания природы в пользу интеграции чувственного и рационального подхода к ее постижению.

Список литературы / References

Бент М. И. Последняя глава «Всемирной истории»: натурмистицизм Г. Г. Шуберта и становление позднеромантического сознания. *Вестник ЧелГУ*, 1999, № 2, с. 166–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslednyaya-glava-vsemirnoy-istorii-naturmistitsizm-g-g-shuberta-i-stanovlenie-pozdneromanticheskogo-soznaniya> (дата обращения: 12.06.2024)

Bent M. I. The last chapter of World History": G. G. Schubert's nature mysticism and the development of late Romantic consciousness. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1999, no. 2, pp. 166–175. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslednyaya-glava-vsemirnoy-istorii-naturmistitsizm-g-g-shuberta-i-stanovlenie-pozdneromanticheskogo-soznaniya> (accessed: 12.06.2024) (In Russ.)

Берковский Н. Я. *Романтизм в Германии*. Ленинград: Художественная литература, 1973. 510 с.

Berkovskii N. Ia. *Romanticism in Germany*. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1973. 510 p. (In Russ.)

Гофман Э. Т. А. *Собрание сочинений: в 6 т.* Москва: Художественная литература, 1991–2000.

Hoffmann E. T. A. *Collected works in 6 vols.* Moscow: Khudozhestvennaia literatura. 1991–2000. (In Russ.)

Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций*. Москва: Весь Мир, 2008. 416 с.

Khabermas Ju. *Philosophical discourse on modernity. Twelve lectures*. Moscow: Ves' Mir, 2008. 416 p. (In Russ.)

¹ Гофман Э. Т. А. *Собрание сочинений: в 6 т.* Москва: Художественная литература, 1991–2000.

[illegible]

Schubert G. H. Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft. *Dresden, 1808*. Deutsches Textarchiv. Available at: https://www.deutschestextarchiv.de/schubert_naturwissenschaft_1808 (accessed: 16.06.2024).

Алина Романовна Притомская – ассистент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, gera.greenhill@gmail.com, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых (д. 11, пр-т Строителей, 600005 Владимир, Россия); **Alina R. Pritomskaya** – Assistant Lecturer of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, gera.greenhill@gmail.com, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (11, pr. Stroiteley, 600005 Vladimir, Russia).

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 17.06.2024; Approved after reviewing 11.07.2024; Accepted for publication 25.07.2024.